

Н. А. ГЕРЦЕН

(ОТРЫВКИ НЕИЗДАНЫХ ПИСЕМ).

Печатаемые здесь письма жены Александра Ивановича Герцена, Натальи Александровны, переданы в распоряжение «Русских Записок» дочерью покойного Ф. Н. Родичева, А. Ф. Родичевой, с разрешения наследников недавно скончавшейся дочери А. И. и Н. А. Герценов, Натальи Александровны. Эти письма существенно пополняют наши сведения о духовном мире ее матери, выясняя ее внутренния переживания в связи с семейной трагедией Герценов. Сам А. И. Герцен рассказал с большими подробностями этот глубоко потрясший его эпизод их личной жизни в пятом томе своих воспоминаний, вышедшем в свет только в 1919 году. С тех пор появились новые данные, осветившие события 1849-1852 годов с другой стороны. К этой категории данных относятся и публикуемые здесь отрывки личной переписки Н. А. с ее давней, московской подругой из Италии и Парижа от 1848 года. Здесь мы находим завязь тех настроений, которые привели к трагической развязке 1852 года. Следующая серия писем относится именно к этой развязке — на смертном одре Н. А. (1852). Первое письмо этой серии (здесь нами опущенное) было уже напечатано, из того же семейного архива, в издании Лемке (VII); другие, непосредственно следующие за этим и тесно связанные по содержанию, появляются здесь впервые. Значительность сделанных в них заявлений Н. А. на ее смертном одре понятна сама собой.

Два письма Т. А. Астраковой к дочери Герцена отделяны двадцатидвухлетним промежутком от кончины ее матери. Совершенно особый интерес представляет здесь отрывок поведения покойной жены А. И. Герцена в полемике с ее дочерью, сделанная ее старой московской подругой на основании критериев старшего поколения идеалистов тридцатых годов.

Приложен здесь также предсмертный набросок автобиографіи жены Герцена; автобиографія осталась ненаписанной; но и в наброскѣ нетрудно выдѣлить штрихи, пополняющіе общую схему развитія недолгой внутренней жизни Натальи Александровны. Для читателя, мало знакомаго с предметом, будет полезно прочесть отрывок из статьи Ф. П. Родичева, который мы печатаем вмѣсто введенія к письмам. Ф. П. до конца жизни остался самым горячим поклонником великаго русскаго трибуна и впрямь другом его семьи. Любящей рукой он набрасываетъ здѣсь краткія, но точныя черты предыдущихъ стадій семейныхъ отношеній Герценов, поведшихъ къ послѣдней развязкѣ. В этомъ слишкомъ сжатомъ очеркѣ не всегда легко отдѣлать послѣдовательность стадій. Приводим, поэтому, в дополненіе, хронологическую схему с краткими характеристиками, которая поможетъ читателю разобратъся в печатаемомъ здѣсь матеріалѣ. Характеристики выражаютъ, по возможности собственными словами, смѣняющіяся настроенія жены А. И. Герцена.

1. 1834 г. — Романтическая влюбленность в разлукѣ.
2. 1838 г. — Апофеоз любви в бракѣ.
3. 1842 г. — Первая семейная драма.
4. 1846 г. — «Мы созрѣли; мы уже не дѣти; пьедесталъ пониженъ».
5. 1848 г. — Потребность свободы и новой жизни.
6. 1850 г. — В зенитѣ.
7. 1852 г. — Смертельный исход.

Материалы, печатаемые здѣсь, по повѣренному копіямъ с рукописей, снятымъ А. Ф. Родичевымъ, относятся къ номерамъ 5 и 7 этой схемы. Мы озаглавили ихъ: I. «Non voglio servire» («Не хочу быть рабой») и II. Расплата. — Къ нимъ мы прибавили: III. Переоценка (1874). Выпущенныя мѣста обозначены многоточіями; они касаются свидѣній о членахъ московскаго кружка Герценов. Мѣста, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты в подлинникѣ. Соответственно принятой в «Руск. Зит.» орфографіи, вездѣ опущены твердые знаки.

Ред.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

(Из статьи Ф. И. Родичева о Герценѣ).

Когда читаешь юношескую переписку Герцена с его кузиной Натальей Александровной Захарьиной, эту лирическую поему, не сочиненную в романѣ, а пережитую в дѣйствительности, кажется, что это свѣтлое чувство проводит обоих до конца их жизни. Не вѣрится, что оно смѣняется обыкновенной исторіей. Обыкновенной исторіей, т. е. разладом, и завершился этот роман, начавшійся в іюль 1834 года на кладбищѣ в Москвѣ и кончившійся в маѣ 1852 года, на кладбищѣ в Ниццѣ. Но жизнь обоих: и умершей жены, и оставшагося в живых мужа, была разбита. Обоим казалось раньше, что они исключенье, что они гордо пронесут свое счастье через всю жизнь. И обоим пришлось убѣдиться, что они оба подлежат общему закону — «*common law*», как выразился Герцен. Связь между ними, однако, не порвалась. Наталья Александровна умирала любящая, с надеждой и желаньем жить для дѣтей, для мужа, которому нанесла раны, хотѣла их залѣчить... Он до конца боролся за ея жизнь, за свою любовь — и до конца жизни благоговѣнно хранил живое чувство в памяти Натальи Александровны. И все-таки он считал, что он сам был долею виновником ея смерти. В своем рассказѣ в 5-й части «*Былого и Дум*» Герцен дал нам остов той драмы, которая разыгралась в 1849-1852 году, — рассказ о послѣдних событіях своей семейной жини, о кризисѣ, уже разразившемся. Но он ничего не рассказал о том, как готовился этот кризис.

То, что случилось тогда, назрѣвало давно, корни его в прошедшем.

В дневникѣ Герценѣ 1842-43 г. записано: «... горестное, раздирающее душу сознание, что я, дурачась, не смотрѣл на существо, близ меня стоящее, что я поколебал ея вѣру, отнял основу нравственнаго быта, убил, разрушил»...

Еще в Новгородѣ Н. А. страдала от сомнѣній: «ты чувствуешь бѣдность твоей жизни со мной», — говорила она мужу.

Пережитое в 1842-43 г. укрѣпило Н. А. в ея прежних сомнѣніях. Она не так легко забыла проществіе, в котором Герцен так бурно каялся, которое он простил себѣ, помирившись с своей совѣстью на том, что «*Grundton*» (основной тон) его любви к женѣ

остался прежним, нетронутым. Герцен думал, что кризис кончился. Нѣтъ, он кончился гораздо позже, в 1848 году в Италіи... Настроение Н. А. в Москвѣ, в 1843-47 году, не сдѣлалось много свѣтлѣе, развѣ спокойнѣе.

Основная почва для темных настроеній, болѣзненное состояніе не прекращалось. И поправляться было некогда. Роды слѣдовали за родами. В ноябрѣ 1842 года в ночь с 29 на 30-е ноября родился ребенок и умер 5-го декабра. То был третій гробик в течение 3 лѣтъ и в 4 года четвертые роды. Это не надо забывать при оцѣнкѣ настроеній Н. А. В декабрѣ 1843 г. роды: 6-й ребенок, глухонѣмой Коля. В 1844 г. в декабрѣ роды: родилась дочь Наталья. До начала 1847 г. была еще дочь Лиза, умершая.

В этих болѣзнях выдержала Н. А. свое испытаніе... Перемян в возрѣніях не осталась внутри.

Выѣздом за границу кончился первый період семейной жизни Герценов. Ваимная любовь осталась, но она вошла в берега. Опредѣлились ея границы. Это уже не было полное слияніе двух жизней, когда в сердцѣ не остается ни одного уголка, закрытаго друг для друга, когда для вѣры нѣтъ ограниченій, а для сомнѣній нѣтъ мѣста. Пьедестал, на котором Герцен стоял в глазах своей жены, был, если не разрушен, то поколеблен, понижен...

Для Герцена с пріѣздом в Париж началась новая жизнь, открылись новые горизонты, для дѣятельности — широкая рама. Семейная жизнь стала на втором планѣ. Его гостепріимный дом стал общественным центром.

Герцен отходил от семейной жизни.

Перерывом в этой суетѣ было путешествіе в Италію. Оно осталось в памяти Герцена, как свѣтлая полоса по ту сторону кладбища. Для Н. А. то же путешествіе в Италію было временем перелома и выздоровленія. Прошлое закончено. Началась новая жизнь. «В Италіи я воскресла», — писала она впоследствии. То было для нея — «второю молодостью, реальнѣе, дѣйствительнѣе, богаче первой».

В это путешествіе, Н. А. обогатилась новой дружбой к юной дочери Алексѣя Алексѣевича Тучкова, — Натальѣ. В 1847-48 г. в Италіи возникла между ними горячая дружба. Н. А. называла молодую Тучкову — *consuelo de mia alma* (утѣшительница моей души, слово взято из романа Жорж Занд «*Consuelo*»). По возвращеніи в Париж, дружба продолжалась и ерѣила. Тучковы

уѣхали. Началась переписка. Она частью уцѣлѣла и обнародована. Н. А. с своей consuelo откровенна до конца. «Только с тобой, — пишет она, — я могу так говорить. Ты меня поймешь, п. ч. ты так же слаба, как я. Но с другими, которые сильнѣе, или слабѣе, я бы не хотѣла так говорить, не хотѣла бы, чтобы и другіе слышали, как я говорю. С ними я буду говорить о другом».

В письмѣ к consuelo звучат двѣ ноты. Во-первых, — мажорная нота возрожденія: «Довольно умирать. Я хочу жить, жить своею жизнью, жить сколько есть во мнѣ жизни («Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему всѣ заказаны?»). Чувствую себя свѣтлей, юной. Жизнь прекрасна, неправда-ли?»

Это новое настроеніе прошло мимо Герцена. Первый раз послѣ 1834 года в душѣ Н. А. зародилось чувство, возникло движеніе, котораго она не дѣлит с мужем, не ищет в нем отзвука и сочувствія. «Только в тебѣ я нашла свѣт и тепло», — пишет она к консуело.

Рядом с этими свѣтлыми порывами у Н. А. идет тоска от суеты, ее окружающей. Н. А. мечтает об уединеніи «так, чтобы не мѣшало никакое прикосновеніе, ни милое, ни постылое».

А что-же Александр? Гдѣ он?

Он сам говорит, что, если бы на нравственную помощь тоскующей женѣ употребил половину тѣх усилій, которыя потом положил на физическій уход за ней, — он спас бы ее.

Н. А. была в забросѣ. Герцен был в сутолокѣ политической жизни, парижских разсѣяній.

Болѣзнь и смерть Н. А. разсказаны Герценом. Герцен писал, чтобы исповѣдаться, чтобы защитить память своей жены. Образ Н. А. остается перед нами, — образ рѣдкой искренности, высокого духовнаго изящества, образ полный очарованія.

Страшной тяжестью обрушилось на Герцена крушеніе его семейной жизни, смерть его жены, бесплодныя попытки расчета.

Спасаясь от невыносимых настроеній, пріѣхал Герцен в Лондон. И там к концу 1852 года улеглась его мука, прояснилась его мысль.

Вѣра в русскій народ, любовь к Россіи спасли его на краю нравственной гибели.

Ф. Родичев.

I. NON VOGLIO SERVIRE

1. — Из письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

Рим, 1848 год, март 14.

...Теперь бы слѣдовало извиненія, или по крайней мѣрѣ объясненія, почему я не писала давно, не стану тратить слов ни на то, ни на другое, суди, как знаешь, как умѣешь, какова я есть. Не писала и все тут... Нужно б видѣться, говорить, ни в какую форму не укладывается то, что сказал бы живым языком и бросишь перо и ломает тебя невозможность передать все, что бы хотѣлось, это меня утомляет страшно, даже физически...

Сколько отраднѣхъ явленій, сколько минут полныхъ жизни живою и все мимо вас. Ну, так буду-же описывать тебѣ нашу прогулку в Неаполь. Вот двѣ недѣли как мы воротились оттуда. Марія Федоровна*) с Колей и Наташей оставались в Римѣ. А мы всѣ с семейством Тучковыхъ провели 3 недѣли в Неаполѣ, это лучшее время из всего путешествія по Итали. Чудный город! Всѣ наши окна были обращены к Средиземному морю, там вдали дымящійся Везувій, цѣлые часы, цѣлые дни я с упоеніемъ смотрѣла на эту непрерывно мѣняющуюся панораму, даже в дождь, даже в ненастье, так вездѣ хорошо, хорошо и кататься, хорошо и дома сидѣть у окна, безконечно хорошо, начиная с разсвѣта, так миг за мигъ я упивалась этой живою картиною. Наконецъ, ночь. Мрачный, величественный Везувій каждую минуту выбрасываетъ огненный снап и опять поток лавы опоясываетъ его, теряется в морѣ. Я любила его как друга, эту гору, я так сочувствую ея вулканической жизни... меня физически тянет в ея огонь, а тут мѣсяцъ звѣтлый тихо, тихо поднимается, серебрит море и глаза невольно обращаются туда, рыбацкія лодки так беззаботно скользятъ, будто играютъ, забываешь труд бѣдняка и также беззаботно ложишься в постель и засыпаешь спокойно.

Новый день, новыя наслажденія. С утра мы брали обыкновенно двѣ коляски, п. ч. нас 10 человекъ, отправлялись смотрѣть древности Геркуланума, Помпеи и т. д., даже взбирались на Везувій, возвращались домой к 5-ти часамъ, прямо к *table d'hôte*, тут уж новая комедія, всѣ эти лица, иные разговоры — иногда смерть грустно, иногда смертельно смѣшно. Спальня у каждаго была особенная, и сходились мы вмѣстѣ в одну гостиную.

*) М. Ф. Корш.

На меня безконечно хорошее вліянье имѣла встрѣча с молодыми Тучковыми и близость с ними, особенно с Натали, богатая натура и что за развитіе. Их не пощадила жизнь, сколько подавлено, измято, убито, сколько устали от ненужной борьбы, а кто же знал, что она ненужна? Так-ли уж случилось, но в самом дѣлѣ, глядя на них, у меня много набралось новых сил. На что? На жизнь, новая связь с жизнью.

Три недѣли прошли как три дня и в первый раз пришлось мнѣ испытать совершенно незнакомую мнѣ беззаботность насчет дѣтей, только было больно, что я врозь с ними, иногда тоска давила, хотѣлось взглянуть на них, услышать их голосок... но это тревожное, не дающее забыться ни на минуту чувство не существовало вовсе, п. ч. они были с М. Ф. Это же самое часто отравляло самыя прекрасныя минуты, мнѣ так было больно, что она не раздѣляет их с нами, конечно, для нея было вознагражденіе в самом этом лишеніи, п. ч. быть полезным другим для нея, кажется, выше всѣх наслажденій, — и все-же мнѣ было больно и совѣстно безконечно. Эти три недѣли свѣтлая, яркая полоса, несмотря на то, что цѣлая недѣля прошла в розысках украденнаго портфеля со всѣми бумагами и документами*).

В Римѣ гадко, погода ужасная, мрачность, сырость, мѣшает даже жить прошедшей жизнью, куда поѣдешь в такой ливень? Мы скоро уѣздаем отсюда, куда не знаю, хотѣли воротиться в Неаполь, показать его М. Ф., потом в Палермо, но всѣ спѣшат безпрерывно, вѣрно ничего не знаю...

Возвращаюсь к твоему письму, на первой страницѣ я невольюно остановилась на этом словѣ: «я в этот день, я была неимовѣрно счастлива». Вот не требуй больше от жизни, уж и то слишком много, что можно быть счастливой в ипой день и цѣлый день. С радостью и с завистью читаю и описаніе твоих и Гр. именин. Потом, моя Таня, скажу тебѣ откровенно, что я горько улыбнулась, читая твои дѣтскіе вопросы: «уж не разсердилась-ли ты на меня, уж не забыла-ли, не разлюбила-ли?» Да станем же во весь рост, бросим всѣ сердечки, медальончики, обѣщанія, клятвы, увѣренія в дружбѣ, — чѣм истиннѣе, чѣм глубже любишь, тѣм ненужнѣе все это. Я пишу тебѣ все откровенно и не думаю, чтобы ты разсердилась, вѣдь это унижает.

*) Герцен подробно рассказал исторію украденнаго портфеля в «Письмах из Франціи и Италіи». (Лемке, VI стр. 42 и слѣд.)

Я как-то так привыкла широко и свободно любить. Болѣзненный період прошел для меня совершенно, я не могу, как прежде, *устраивать* прочно дружбу, обносить ее высокой оградой и крѣпко, наврѣпко запираеть ворота, чтобы непосвященный не смѣлъ перешагнуть порог; это дѣтство, это неувѣренность в том, что охраняешь; я болѣе чѣм когда люблю всѣх моих друзей, болѣе чѣм когда-нибудь вѣрю им и не требую ничего и не люблю ничего; чѣм болѣе живу, тѣм болѣе убѣждаюсь, что единственное, существонное благо в жизни — это симпатія, кто ж подвергнет его даром вліянію чего бы то ни было. Если же оно таково, что легко можно имѣть вліяніе на него, я отказываюсь от такого непрочнаго блага; одной игрушкой меньше...

Продолжаю читать твое письмо и, наконец, улыбаюсь: «неужели ты не выбралась, Наташа, считать каждую женщину за сплетницу, врага и т. д.?»

О, Таня, Таня! я не буду отвѣчать тебѣ на это, — это просто бред. Ты бы должна довольно знать мою исторію. Сначала я была дика и ни к кому не подходила, потом подходила робко, но с полною довѣренностью, уж если подходила, — теперь я не могу не подходить, и, все равно женщина или мужчина, лишь бы внутренний голос сказал мнѣ, что есть общее. Я этому голосу довѣряю безконечно.

2. — Из письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

Париж. 1848, Іюня 23-го.

Только что послала тебѣ письмо, получила твое, моя Таня, моя хорошая Таня. Хоть многое в нем давно писано, но я все-таки читала и перечитывала его с большой любовью. Люблю тебя, Таня, хорошее ты существо, несмотря на всѣ недостатки и *претензіи* твои, да, претензіи. Не сердись, оно так. Претензіи не от бѣдности натуры, не от пошлости, а от того, что жизнь не вселила довѣрья к себѣ. Лучше сказать, не претензія, а требовательность, она и законна, так как справедлива, но не хотѣлось бы ей иногда, от того, что не хотѣлось бы, чтоб ты страдала; а не страдала бы, — была бы бѣдная натура. Так лучше оставайся тѣм, чѣм есть.

Когда мы увидимся, не знаю. Из Италіи ты велѣла уфхать, а и здѣсь я не здоровѣе, напротив, скучно быть больной, унизи-

тельно, досадно, особенно теперь, — никогда не нужно мнѣ было так здоровье, как теперь, — жизнь так хороша, хотѣлось бы жить и для себя, и для других. Принялась серьезно лѣчиться, авось будет лучше. Саша*) пока здоров, понемножку всѣм занимается, доктора говорят, что до 18-ти лѣтъ необходимо безконечное вниманіе и попечительность для его деликатнаго сложенья, в ученѣ, в игрѣ, в содержанѣ, — словом, *безпредѣльная* осторожность, — ты поймешь, стало, Таня, как бы я желала быть здоровой. Коля и Наташа милы и здоровы, растут, утѣшают. Потом, Таня, ты знаешь как Александр тревожится всегда о моем здоровьѣ и это все сильнѣй и сильнѣй в нем становится...

Жаль мнѣ, Таня, ты ждешь нас так, как будто мы сейчас приѣдем, а я не знаю, когда мы поѣдем, нѣтъ ничего хуже, как такая ошибка. Перенесла бы я тебя как-нибудь сюда.

В августѣ или сентябрѣ, ты увидишь Тучковых; вѣдь ты дикарка, не бойся, я тебя заранѣе познакомила, то-есть, с двумя дѣвушками Héléne и Natalie, каждая в своем родѣ хороша, встрѣча с ними дорога мнѣ, она принесла мнѣ много юности, свѣжести, наслажденія в мою душу, уж не говоря ни о чем другом. великое счастье любить так, как я их люблю. Хорош мой внутренний мір, Таня, так полон, полон, — я не говорю: одного свѣтлаго, но я бы не отдала ни одной капли того горькаго, что вынесла...

24 іюня. — Я была прервана пушечными выстрѣлами, которые продолжались *четыре дня* день и ночь. Город до сих пор *en état de siége*, убитых, говорят, 8.000. Вот и все; подробности не достаёт духа описывать. Как мы живы, удивляюсь, но живы только физически, Таня, были минуты, в которыя я желала быть уничтоженной *со всей семьей*. Не знаю, оживем-ли настолько, чтобы что-нибудь в жизни еще вызвало искреннюю улыбку. Клянись всѣм.

Давно писано это письмо, но все-таки посылаю его тебѣ, — оно тебѣ даст понятіе о нашем житьѣ-бытьѣ.

Приписка А. И. Герцена:

— 30 іюня. — Что мы видѣли, что мы слышали в эти дни — мы всѣ стали зеленые, похудѣли, у всѣх с утра какой-то

*) Сын Н. А.

жар... Преступление четырех дней совершалось возлѣ нас, около нас. — Дома упали от ядер, площади не могли обсохнуть от крови. Теперь кончились ядры и картечи — началась мелкая охота на блузников. Свирѣпость національной гвардіи и собранья прешаает все, что вы когда-нибудь слышали. Я полагаю, что Василій Петрович перестанет спорить о буржуазіи. Если бы не Кавеньяк, то плевных разстрѣляла бы власть*).

3. — Копія письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

Париж, іюнь 1848 г.

Еще с дѣтства мнѣ казалось странным все, что дѣлается вокруг меня и до 30 лѣтъ я не могла привыкнуть к этому порядку или беспорядку: страшная дисгармонія, раздражающая душу, все так нелѣпо, так наизнанку!

Перед революціей становилось свободнѣе дышать, казалось, настает время всемірной перестройки, — все существо мое исполнилось надеждой, любовью, дѣятельностью. Человѣчество, ползущее до тѣх пор как ребенок, удерживаемое на помочах, запуганное, угнетенное, встает, разрывает узы... Прежніе властители, или лучше дядьки, пугалы, расчищают дорогу, прячутся позади всѣх, — человѣчество расправляет члены, высоко держит голову, шаги его быстры и тверды, будто оно разом сознало свою силу и каждое мигновеніе заключало в себѣ столѣтія, началась жизнь широкая, иская — все личное, семейное, домашнее перестало быть полным, исключительным, приняло характер всемірный, казалось, не существует больше сооственности, отечества — море единодушія, свободы! И мы с упоеніем отдались волнам его...

Я была долго на площади, в толпѣ, — мнѣ бы не показалось странным, если бы она вошла к нам и взяла, что ей нужно, каждый был свой, для каждого готов был отдать жизнь.

«Совершилось!» — думала я — и не даром были всѣ наши страданья, не даром при всѣх условьях наслаждаться жизнью каждая минута была отравлена, не даром, держа полную чашу в руках, мы томилась жаждой, не имѣя духа хлебнуть — малѣйшее

*) См. описаніе этих дней у Герцена: «С того берега», II, «Послѣ грозы (Лемке V, 410 и слѣд.). Василій Петрович Боткин.

самоудовлетвореніе казалось преступленьем... Недаром это негодованіе, этот скрежет, при мысли о своей ничтожности, о своем безсиліи сдѣлать что-нибудь — теперь мы всемогущи!

Глядя на дѣтей, я думала: «Счастливы! Вы минуете всѣ противорѣчія, сквозь которыя, как сквозь строй, гнала нас жизнь, и от которых раны не зажили бы теперь, если бы не этот великій переворот. Искаженные, изувѣченные, мы стали снова юны, крѣпки, мы стоим в один ряд с вами. — Окончена моя скорбная забота о воспитаніи, — учредятся новыя школы, на новых основаньях, вам дадут здоровую пищу, вы будете расти, развиваться свободно и жизнь ваша будет хороша! И я любила всѣх дѣтей как монах, думала ходить за ними, участвовать в их развитіи.

Мысль о смерти, о безсмертіи не явилась ни разу, настоящее было слишком полно, предчувствовалась гармонія... И при всем этом изящная обстановка Италіи... Но нас тянуло к самому сердцу, которое заставляет биться всѣ пульсы — мы летѣли в Париж.

Іюньскіе дни не замедлили явиться, подробности всѣ извѣстны. Пять дней кряду мы умирали быстро, мучительно, в страшных судорогах, потом, обезсиленные, умирали медленно, томительно. Я не умѣю вѣрнѣе передать состояніе, в котором мы находились во время митральяды улиц и разстрѣливанья инсургентов, — оно продолжалось долго, очень долго; бывало, откроешь окно, и все кажется провіей, и пѣнье птиц, и освѣщеніе солнца, и зеленый цвѣтъ листьев — вѣдь, это обман, декорація, за которой льется кровь рѣками. Всѣ чувства смутны, парализованы, с усиленіем вслушиваешься, чтобы различить дѣтскій говор от пушечных выстрѣлов и не понимаешь, зачѣм стрѣляют, зачѣм лепечет ребенок, зачѣм живет он, наконец, и будет жить? С утра мы собирались вмѣстѣ и просиживали до поздней ночи в натянутом состояніи, как у смертнаго одра любимаго человѣка, говорили шепотом, едва переводя дух, одна свѣча горѣла, свѣтъ лампы был бы слишком силен, оскорбителен; никогда тѣло не было так в тягость, так лишним. В иные минуты хотѣлось, чтобы бомба упала среди нас... При воспоминаніи прошедшаго торжества, судорожная улыбка появлялась на лицах — не сон-ли это было? — Чудный сон!

Но прошло много времени и послѣ тяжелаго сна, два великія мгновенія канули в вѣчность. От перваго заструился свѣтлый круг и исчез. Долго видѣлся кровавый слѣд послѣ другаго и исчез... А море жизни волнуется все так же гордо и небрежно . и

— недостаток-ли это любви или любила я слишком много, — только теперь я сижу на берегу этого моря, смотрю на него и то слезы навернутся на глазах, то мелькнет улыбка; я сочувствую его волею, но отдаться ему, броситься в него — желанья нѣтъ болѣе! Теперь я чувствую себя отдѣльно, живу отдѣльною жизнью. Моя жизнь терялась, как капля в морѣ, теперь море теряется в ея каплях...

Личность моя стала сосредоточеннѣе, всѣ лучи сведены в один фокус... Non volio piu servire.

Когда меня спрашивают, что я дѣлаю хорошаго, я отвѣчаю: — «живу».

С каждым днем я не только отвыкаю, привыкаю от всего, что дѣлается на всем свѣтѣ. Вчерашнія, давешнія событія мнѣ кажутся сказкой, преданьем варварских времен. Самыя лица — никогда вид животнаго не производит такого возмутительнаго впечатлѣнія! Я не выхожу от этого по воскресеньям, все залито безобразіем. Мнѣ нужно послѣ этого долго дышать, постоять долго у моего окна, всмотрѣться в зелень, в солнце, проглядывающее сквозь листья, хоть оно и блѣдно в Парижѣ, — словом, мнѣ нужно отсутствіе человѣка, нужно забыть о существованіи. И пока я не окрѣпну, меня возмущает даже вид дѣтей, моей любимой, маленькой Наташи. Снова является потребность новой жизни, хоть не для себя, для них, обдает новым ужасом от всего стараго, искаженнаго, в котором не только мы, но и они должны продолжать жизнь.

Я всегда ужасно устаю, сидя в театрѣ, мнѣ все хочется пригнуться на сцену и участвовать в игрѣ, если пьеса со смыслом, если же — нѣтъ, хочется разогнать их, ужасно унинительно видѣть самаго плохого актера в пошлой роли. В театрѣ несносно, а каково же в жизни? Сидѣть весь вечер прикованной к своему мѣсту и смотрѣть, как свѣтъ дурачится. Это меня бѣсит, и я больна от этого и не выздоровлю никогда.

Зачѣм нельзя забыться надолго в себѣ, в том, что хорошо мнѣ. Когда меня несли на Везувій 4 лазарони, я ужасно устала, помогая мысленно нести себя. Так всю жизнь мою без отдыха я помогаю развитію человѣчества. И что же? Хоть бы распяли меня, — но вѣры больше нѣтъ в искупленье.

Сумасшедшіе они или звѣри, я не знаю, только у меня судорожно сжимаются зубы и кулаки, глядя на них.

Вчера было воскресенье, меня насильно вытащили погулять — никогда Париж не залит так грязною толпою как в праздник. Я смотрѣла, смотрѣла на них и подумала: что если прокатить картечью вдоль этой ползающей грязи? Я бы с радостью увидела бы льющуюся кровь — надо же расчистить мѣсто человѣку! Наконец, из одного эгоизма я желала бы гибели этому міру, при всѣх условіях наслаждаться столѣтье цѣлое — я считаю жизнь мгновеньями, остальное скрежет, мука.

Не знаю кому бы я рѣшилась сказать, до какой степени доходит иногда мое равнодушіе ко всему происходящему, внѣ моего внутренняго міра, — ко всѣм возстаніям, революціям; мнѣ самой становится страшно этого равнодушія, и если бы под его свѣтлой, гладкой поверхностью не таился цѣлый вулкан, готовый пересоздать весь мір или уничтожить все и прежде всего, самое меня, — я презирала бы себя.

Народы, как цвѣты, прозябают одни дольше, другіе меньше. Смерть одних будет удобрять почву для других.

Вот Египет возвышает свой пышный, тучный цвѣт. Греція — свой цвѣт, исполненный красоты и благоуханія. Рим величественный, покрытый красноватыми жилами от чувственной жизни. И много других цвѣло цвѣтовъ прекрасных, и отцвѣли всѣ и слѣда иных не осталось вовсе.

В итогъ человѣкъ становится челоѣчественнѣе, а поколѣнья незамѣтно потребляются на выработку его. И я восхищаюсь челоѣкомъ, поклоняюсь ему, болѣе люблю его, еще болѣе я сама челоѣкъ, а до химической лабораторіи мнѣ дѣла нѣтъ, наконец, Слишком много потрачено на нее, много закоптѣлось, много выгорѣло.

В деревнѣ, в живой, теплый день, когда вижу деревья, высокую траву, мнѣ бы хотѣлось затеряться в ней, забыть всѣх и чтобы меня забыли. Я сливаюсь с теплым, благоуханным дыханьем природы, исчезаю с ним в воздухъ или игривой, пестрой бабочкой перелетаю с цвѣтка на цвѣток (пчелкой быть я бы не хотѣла, пчела слишком трудолюбива), красуюсь на солнцѣ или так, ка-

кая я есть, с руками и ногами, уношусь куда-нибудь далеко, на конѣ или ушлываю за океан... Да, если бы забыться. Да, человѣчество можно забыть с его ретортой, но дѣтей моих не могу забыть.

Мнѣ *все кажется*, что я нужна им, что без меня ничего не сдѣлается, я не могу оторваться от них, мы всѣ так тѣсно соединены, как в продолженіе девяти мѣсяцев, — одна смерть отдалит меня от них, как засохшій цвѣток от зрѣлаго плода, и я не умру прежде, чѣм они дозрѣют. А когда увижу их людьми, умру, не жалѣя о жизни. И вѣрую, что умру, не жалѣя о жизни. Все недоразвитое во мнѣ, подавленное, несовершенство, — все исполнится в них.

В них я разовьюсь до себя.

Все, что дѣлается теперь с громом пушек, с пролитіем крови, мнѣ кажется, ничтожнѣе воспитанья, — я совершаю будущее и какое чистое, сильное будущее! Их минует все то, что вынесено мною, оттого, что оно уже вынесено мною. Всѣ предрасудки, эти ржавые осколки орудій, которыми отживающій старец порабощает мір и которыми, добывая в предсмертных судорогах отходящее с ним поколѣнье, грозит строго закону, — не коснется их. Эти ядовитые осколки отразит твердый щит, а этот щит — я. Мою баррикаду не разрушит никакая сила.

А там, может быть, ты дойдешь до гильотины, мой милый Саша, — иди, иди лишь своим шагом, твой слѣд будет — свобода. Она переживет гильотину и ты не умрешь в ней. Свобода! Я кажется люблю тебя больше дѣтей моих.

Как взор отдыхает, освобождаясь от предметов, теряясь там вдали, гдѣ все сливается в туманную синь, как ум освобождается от своей работы в винных парах, — так в симпатіи освобождаешься от всего, от всего, — отдыхаешь даже от привязанности. Это праздник человѣка.

II. Р А С П Л А Т А *).

1. — Письмо Н. А. Герцен Маріи Каспаровнѣ Рейхель без даты (18 февраля 1852 г.?)

Машинька, *чувствую*, мнѣ необходимо написать тебѣ еще *письмо по секрету от А**). Плохо возвращаются мои силы, болѣзнь

*) А. И. Герцена. Письмо непосредственно примыкает к напечатанному у Лемке.

прошла, кажется, но вот уж скоро три мѣсяца, а я встану только за тѣм, чтоб опять лечь и малѣйшее потрясеніе кладет меня в постель, а потрясеній столько и такія страшныя, что, может, и в могилу уложат — нравственных сил у меня много, *непреоборимых*, сила моя — моя любовь к Ал., опора моя — его любовь ко мнѣ, *никогда*, мнѣ так кажется мы не были так проникнуты друг другом, *никогда не знали*, не провидѣли так друг друга, никогда не были так *воедино*, все наше прошедшее не только не потеряло ни искры — по *сознанное, оцѣненное*, как рѣка в море, влилось в наше настоящее. Ну, а физическія силы — через 3½ мѣсяца их мнѣ нужно, уйдет много — коли не хватит? Вот, раз ты самая близкая нам, *это* облизывает тебя подумать *наперед*; за тѣм я и пишу *теперь*. Как умру, завѣщаю тебѣ быть *как только ты можешь близко и матеріально моей семьѣ*. Об остальном уж не прошу тебя, — увѣрена. Только еще — береги дѣтей, чтоб клевета *на наш союз* не коснулась их, они могут и должны только благословлять его. На них я надѣюсь, на дѣтей, *на них так ясна печать истинности полноты этого союза, и с ней они не погибнут*, но клеветы не бросят тѣнь — мнѣ жаль, мнѣ это невыносимо, охраня их от этого... Не покидай их, пока можешь, на подмогу выпиши из Россіи родных нам душою, кто может.

Как бы хотѣлось сохранить в них и русскую натуру, и натуру А., как бы хотѣлось, чтоб их путеводела и охраняла такая же любовь, как моя. Выпиши тогда непременно Татьяну Алек., потом может вырвется из цѣпей Натали О*).

Со временем я бы желала, чтобы дѣти воротились в Россію, они ея достойніе, я бы не хотѣла, чтобы они были лишены этого сокровища. Этот догнивающий мір не стоит их, — нам только, старикам, не жаль сложить в нем свою голову, ей мягче здѣсь, избытой и наболѣвшей.

Может, ты помнишь маленькій, фантастическій отрывок, в котором Александр рассказал, как он, мальчиком шести лѣтъ, нервный, худой, с огненными, живыми глазами, рѣзвый, *вдруг раз* — присмирѣя и призадумался, глядя на падающую с неба звѣздоч-

*) Татьяна Алексѣевна Астракова и Наталья Алексѣевна Тучкова-Огарева.

ку; в эту минуту вошла в комнату его мать и сказала ему «у тебя родилась сестрица». Это было 22 октября 1818 года... С той минуты мы неразлучны. Он писал это с вѣрою, я вѣрила тому, что он писал. Но дѣйствительная жизнь кипѣніем и волненіем своим относила, уносила его от меня. Вѣра моя слабѣла. Я ловила его в этой пѣнѣ, в этих волнах — и гибла, гибла от избытка любви к нему, да, мнѣ *казалось, что есть избыток ненужный*, — он меня давил, убивал, этот избыток (не оправданіе, избави Бог), — но страшная ошибка с моей стороны, ошибка допустившая...*).

2. — Письмо Н. А. Герцен к М. К. Рейхель от 29 февраля.

Для концерта Рейхеля, собиралась спустить ноги с постели сегодня в первый раз. Теперь у меня растет забота о существѣ, которое должно явиться на свѣтъ через четыре мѣсяца, сколько перестрадало оно со мною! Что-то будет с ним?

Ты боишься за фактическое окончаніе**), — А. слишком много проповѣдывал о разрушеніи стараго и созданіи новаго міра, чтоб уступить предрасудку перваго, может, и уступил бы, — но не там, гдѣ раздавить ногой уж много чести. Будь покойна...

А страшно встать, увидишь море, милый, милый ангел! Хоть бы на могилкѣ его посидѣть, — хоть бы могилку обнять и цѣловать, цѣловать, — цвѣтами бы украсили — — — ничего нѣтъ; шумит себѣ безумное, как будто ничего не было***), — Благодарю, цѣлую портрет.

Напиши мнѣ о Сашѣ, что же о н— продолжает расти по-богатырски? Дѣти и я обнимаем вас...

3. — Письмо Н. А. Герцен к М. К. Рейхель отъ 6 марта ****).

Давно бы сообщила тебѣ, кабы было что, — но ни мы, никто догадаться не может, что выплеснет еще из этого — не ада, а грязнаго.

*) На этом словѣ письмо обрывается.

**) Вызов на дуэль со стороны Гервега.

***) Намеки на катастрофу, в которой потонул у этих берегов Коля, сын Герценов.

****) Напоминаем, что первое из серіи этих писем, датированное 18 февраля, напечатано у Лемке, VII, стр. 16.

Ты знаешь письмо Э.*) на него в отвѣт, говорят**), что оно слишком длинная диссертація, что третьему вмѣшиваться тут нельзя (как-же, дуэль без секундантов?), что только с глазу на глаз с Александром можно рѣшить дѣло и что, наконец, вложенное письмо (мое) не читано, по незнанію от кого оно (я подписала всѣми буквами имя мое), а по письму видно, что читано, да и как-же не прочесть *опроверженья причины вызова...* Храбрых, наступательных дѣйствій, от такой *трусости* ждать нельзя; но, так как отношенія с А. оставалось единственным *якорем спасенія* в свѣтъ, имя и пр., и как этот якорь подрѣзан мною, то всѣ гнуснѣйшія козни мужа и жены устремились против меня, для того (как он выражается) реабилитировать его перед А. и перед свѣтом. Ты должна писать нам, если знаешь болѣе нас. Пославши вызов А., он в то же время извѣстил об этом жену, а об отвѣтѣ на этот вызов, напротив, увѣряет все ее в том, что я пишу ему страстныя письма, вот все, что знаю.

Не понимала я ни мести, ни презрѣнія, пришлось *ощущать* и то, и другое в высшей степени.

Когда бы прекратились эти внѣшнія дразни, — сколько у нас с А. матеріалу на прекрасную жизнь, жизнь полную, глубокую, мудрую, гармоническую. Хоть у меня и не было со встрѣчи с ним ни одного мгновенія, в которое я не чувствовала болѣе или менѣе *одного кровообращенія* с ним, как с сросшимся близнецом, но — при всем была Фома невѣрный, наконец, как он же, вложила персты... Восход нашей жизни сливается с закатом, только зарево послѣдняго жарче... Ну, вот, я написала тебѣ уж столько сколько ты и не просила, — нужды нѣтъ, если оно не для тебя, так для меня. Иной раз душа через край, и не всякій раз можно удержаться отлить.

Пошли письма в Россію, поскорѣе пошли.

Писавши тебѣ первое письмо, я не думала, чтоб кто третій читал его, да и Саз****) мудро *обратитъ*, он никогда не предпола-

*) Письмо Энгельсона к Гервегу от 18 февраля, с вложенным в него письмом Н. А., напечатаны Лемке в комментаріи к V тому «Бытого и Дума», т. XIV, стр. 94-96.

**) Дальше приводятся возраженія жены Гервега.

***) Н. И. Сазонов. О фатальной роли С. в семейной исторіи Герценов см. «Былое и Думы» т. V (Лемке, XIII. 529-530) и письмо Герцена к женѣ из Женевы. Лемке. VI. 421.

гал сердечной стороны в наших отношеніях с А. и неблагопріятствовал мнѣ издавна, особенно потому, что не мог этого отношенья поставить в уровень со своим итальянским... Мнѣ противно, что я пишу об этом, но, может, тебѣ пригодится для об'ясненія.

Я встаю с постели только для того, чтобы одѣться и лечь в нее опять. Море еще страшнѣе, еще ужаснѣе. Нѣтъ, не жить мнѣ с ним в сосѣдствѣ! Это слабость, я сержусь на себя и не могу побѣдить. Бѣгу, бѣгу из Ниццы, как только будет возможно. Да и Сашѣ нужен большой город, теперь он здоровяк такой, сердцем его и головой я тоже довольна, а характер, необходимый в жизни, никогда не *разовьется при нашем воспитаніи*, ему необходимы равнины, борьба нужна. Так хоть на нѣкоторое время обществ. заведеніе придется, скрѣпя сердце... (может Брюссель).

Письмо это я начала вечером вчера и уснула с ним, а А. свое рано утром сегодня отправил, так и я-ж, хоть поздно, да отправлю сегодня-же.

Тата цѣлует тебя, она такая умница, большая выросла, кро-мѣ ея никто мнѣ не служит. Она бѣгает как снѣжный шарик по комнатам, живая как А., и питает к нему великую страсть.

Ш. П Е Р Е О Ц Ъ Н К А .

1. — Копія отрывка из письма Т. А. Астраковой к дочери А. И. Герцена, Наталіи Александровнѣ, 1874 года, 20 іюня.

...А знаешь, Тата, мнѣ очень не понравилась в твоём письмѣ фраза: «Об увлеченіях лучше ничего не говорить, чтобы поняли, до какой степени, «она оставалась *чиста и достойна своего мужа*, несмотря на» и пр.

В твоих словах свѣтится, как будто Наташа в самом дѣлѣ была виновата перед мужем, — ну, это дѣло не так! Вѣдь, ты не знала хорошо свою мать и ея жизнь, а знала отца, а потому можешь впадать в ошибки. Нѣтъ, — скорѣе можно спросить — достоин-ли был ея муж такой чистой, восторженной, полной любви, кторую имѣла к нему жена? Сколько раз он оскорблял ее в жизни своею вѣтренностью! Сколько раз ей приходилось смотрѣть сквозь пальцы на его безпрестанныя увлеченія! Сколько раз она хвора-

ла от этого нервным разстройством и сколько раз вмѣсто раскаянія, он упрекал ее в малодушіи... За любовь-то!.. Я, вѣдь, не различаю мужчину с женщиной относительно поведенія (да и всего): что ставится в вину женщинѣ, того же я не прошу мужчинѣ, и ему менѣе простительно, нежели женщинѣ даже, — он свободнѣе в выборѣ и в жизни... Нѣтъ и нѣтъ, Наташа никогда не могла быть виновата, ее силой заставили сдѣлать ошибку, она, как горячая натура, не выдержала натиска ложнаго оскорбленія и увлеклась мщеніем... Да, мщеніем! — в этом случаѣ оно возможно и простиительно. Если бы я написала ея исторію, то уж, конечно, она бы вышла у меня святая личность, а всѣ окружающіе преступники! Ну, мир им!

2. — Копія отрывка из письма Т. А. Астраковой дочери А. И. Герцена, Наталіи Александровнѣ Герцен,

1875 года, 7-го іюля. Москва, близ Дѣвичьяго поля.

Но вот что я скажу тебѣ, моя милая, дорогая Тата, я исповѣдаюсь перед тобою и думаю, что не будешь за это на меня в претензіи, дѣло вот в чем: зная матеріальное направленіе нынѣшней молодежи и слыша от князя*), что в тебѣ,—как он выражается, — мало женственности, я думаю, что тебѣ будет смѣшно читать нашу переписку, подчас очень сентиментальную (как у нас говорит молодежь), подчас романичную и пр. Да, должно быть, еслиб жива была Наташа, то теперь был бы другой уж характер нашей переписки, но все-таки непремѣнно выглядывала бы нѣжность, не по Вашему вкусу: что же дѣлать? Уж нас с нею так печь спекла. Я еще думаю, что потому, что про первыя письма, которыя я тебѣ послала, ты мнѣ ничего не сказала, — видно не нашла в них ничего интереснаго.

В этих письмах (я даже собрала и перечитала, кажется, всѣ московскія записочки) — онѣ всѣ хороши, всѣ дороги мнѣ... Ну, дѣлай с ними, что хочешь... Видно, пора пришла моя разетаться с послѣдним, дорогим воспоминаніем, — будет с меня и того, что живо еще до сих пор во мнѣ обо всѣх моих дорогих, любимых, — уж этого-то никто не отнимет у меня, и оно, это внутреннее «я» слитое с их «я», умрет со мною-же.

В московских записках ты встрѣтишь очень часто о себѣ, и

*)Кн. А. Н. Мещерскій, поклонник Н. А. в 1860-х годах.

особенно замѣчательна записка твоего отца о твоём рожденіи: получив ее, мы с братом очень смѣялись.

Еще посылаю тебѣ отдѣльно от всего листки, писанные твою матерью, только для меня, — и жаль мнѣ их было, да и хорошо-ли, что я их отдаю тебѣ. Впрочем, что же? Вѣдь, уж ты не маленькая и многое знаешь из страданій твоей матери, из этих листков ты только увидишь, как она любила всѣх вас, и как тяжело ей было и как страдала она, бѣдная. Ну, мир ей, святая страдальца! Эти листки я довѣряю только тебѣ одной и никому больше! Ты храни их как святыню или сожги... лучше, чѣм кто в них заглянет!.. Перечитавши эти листки, у меня невольно выступили слезы, и мнѣ показалось, что я вижу ее, мою милую, чистую и *никѣм* не понимаю, да, — никѣм! Даже *им*, ея идолом, ея мужем... И он, и он не понимал ее вполнѣ, никогда! Слезы льются, не могу больше писать, послѣ...

Еще вот что: нѣтъ ли у тебя рисунка могилы Наташи? У меня есть с гроба креп, ея волосы, но я хотѣла бы видѣть ея могилу. Если нѣтъ снятой, то ты сама начерти мнѣ ее, вѣдь, вѣрно, ты это сумѣешь сдѣлать и сдѣлаешь для меня, неправда-ли?

3. — Копія предсмертной записки Н. А. Герцен, написанной карандашом, план ея записок автобіографіи.

1. Как в лѣсу, пойманный звѣрек. Кругом старое, дурное, холодное, мертвое, ложное. Одно существо привлекает — Саша*).

Воспитанье началось с того, что меня убѣдили в стыдѣ моего рожденья, моего существованья, вслѣдствіе этого — отчужденье от всѣх людей, недовѣрчивость к их ласкам, *отвращенье* от их участія, углубленье в самое себя, требованье *всего* от самое себя.

2. Ничего от других. Начало борьбы внутренней: *долг* любить и вѣрить благодѣтелям и *невозможность* этого. Удивленіе от противоположности слов и дѣйствій: мнѣ — грѣх ѣсть до объѣда, ей не грѣх просѣфорой напиться.

Обращенье со слугами. с бѣдными людьми, ложь со знаками.

*) Горничная княгини.

3. Скука в церкви и за молитвой. Свой образ религиозности. молиться на небо по ночам, а вмѣсто молитвы читать—шалить. Намѣренье убѣжать, безпрестанная грусть. Равнодушіе ко всему, клятва, данная Сашей друг другу, желаніе смерти.

Александр. Чтеніе ур. ур. *). Стыд моего невѣжества.

4. Евангеліе. Боготворенье природы. Увелич. симпатіи к А. Его взятіе. Боготвореніе А. Брак по любви.

5. Женитьба Огарева, вѣра в его жену. Мы четверо — одно. Принужденіе идти замуж. 3-е Марта. — 8-е Мая. — Дѣтская жизнь — Саша. — Свиданіе с Огаревым. — Разстройство здоровья. — Неудовлетворенность жизнью. — Друзья. — Любовь к человечеству, сквозь все личное. — Путешествіе. — Преданность идеѣ революціи. — Свобода. — Отчаянье. — Пустота. — Усталъ. — одиночество.

*) Уроки урывками?